

А.П.ВОЛКОВ, Л.А.ШАЙПАК, А.В.МАНЬКОВ

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

[Статья выполнена в рамках внутривузовского гранта «Проблемы духовно-культурного и исторического развития России и российского общества: историко-антропологический подход» (Приказ № 285 от 30.10.2017 г.).]

Экстремистские методы, такие как теракты, продолжают быть частью современной российской действительности. Особый отпечаток на проблему политического насилия в российском обществе в этом году накладывает факт 100-летия русской революции 1917 г. Экстремистские способы борьбы за власть, активно использованные участниками этого сложнейшего социально-политического процесса в прошлом, заставляют в настоящем еще раз обратиться к отечественной истории. В интересах безопасности государства и общества следует продолжить исследования истоков тех событий, которые разрушили Российскую империю. Авторы также считают, что проблема экстремизма особо актуальна для российской науки и системы образования. Ее осмысление важно в контексте организации противодействия экстремизму со стороны государства, его силовых и правоохранительных структур. Со страниц западных изданий в отечественные СМИ перекочевал тезис об «исламской угрозе». В общественное сознание россиян внедряется представление о мусульманском мире как об источнике и рассаднике экстремизма и терроризма. Террористические проявления современного международного экстремизма рассматриваются некоторыми специалистами как следствие борьбы двух цивилизаций – христианской и исламской, что верно только отчасти. Авторы статьи уверены, что экстремизм и его основной спутник – терроризм имеют глубокие социально-экономические корни и исторические истоки. В связи с этим обоснованным является исследовательское обращение к истокам этих явлений в социально-политической жизни России.

Extremist methods, such as terrorist attacks and political murders, continue to be part of modern Russian reality. A special imprint on the problem of political violence in Russian history this year is the fact of the 100th anniversary of the Russian revolution of 1917. Extremist methods of struggle for power in the past, actively used by participants in this most complicated socio-political process, force the researcher to turn once again to science. In the interests of state and society security, research should continue on the origins of those events that destroyed the Russian empire. The authors believe that the problem of extremism is extremely relevant for Russian science and education. Its reflection is important in the context of the organization of countering extremism on the part of the state and its power and law enforcement structures. Thesis on the so-called «Islamic threat» has migrated from the pages of Western publications to the domestic media. In the public consciousness of Russians the idea of the Muslim world as a source of terrorism and extremism is being introduced. Terrorist manifestations of contemporary international extremism are considered by some specialists as a consequence of the struggle of two civilizations – Christian and Islamic, which is only partly true. The author believes that extremism and its satellite terrorism have deep socioeconomic and historical roots. In connection with this, it is reasonable to refer to the history of these phenomena in the socio-political life of Russia.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, насилие, революция, терроризм, «Молодая Россия», «Катехизис революционера», «Народная расправа», «нечаевцы».

Keywords: extremism, radicalism, violence, revolution, terrorism, «Young Russia», «Revolutionary Catechism», «People's Massacre», «nechaevans».

Многие специалисты считают, что политический экстремизм имеет длительную историю [4, 5]. Экстремизм, по всей видимости, вечен, как вечны радикальные идеи, мысли и убеждения. Россия не является исключением из мирового процесса развития социально-политического насилия.

В советские годы экстремизм рассматривался в работах В.В.Витюка и С.А.Эфирова, обративших научный взгляд на терроризм в конце 1980-х гг. [5, 6]. Витюк указывал, что «терроризм последней четверти XX в. имеет... предтечу в лице крайне радикалистских направлений... народовольчества и анархизма в России» [6, с. 43]. В настоящем заслуживает внимания работа военного ученого В.А.Вахрушева [4]. Автор считает одними из первых экстремистов секту сикариев, действовавшую в Палестине в I в. н.э. [4, с. 188]. Однако он мало пишет о русских экстремистах прошлого. История возникновения террористического насилия в России исследуется Е.К.Минеевой, А.В.Маньковым, Л.А.Шайпаком и другими авторами [3, 9, 10, 11]. Авторы отмечают, что один из пиков российского экстремизма пришелся на начало XX в., когда его носителем явилась партия социалистов-революционеров (ПСР) с ее террористической тактикой [12, с. 18]. О.В.Будницкий считает «первой последовательно террористической организацией» а, следовательно, и экстремистской структурой «Народную расправу» [3, с. 38].

Актуальность нашего обращения к истории экстремизма обусловлена реалиями нынешней России и возрождением экстремистских планов в деятельности некоторых политиков и общественных движений, а также столетием русской революции 1917 г. Каждое государство, столкнувшееся с проблемой экстремизма, заинтересовано в эффективной борьбе с ним. Эти обстоятельства обуславливают актуальность темы данной работы и определяют ее цель.

Большой интерес, на наш взгляд, как теоретика, так и практика противодействия экстремизму представляет вопрос – когда и при каких обстоятельствах появляются первые экстремистские социально-политические идеи в России?

Чтобы ответить на этот вопрос, важный для практического противодействия насилию в современных условиях, проведем исторический анализ генезиса российского экстремизма.

Цель работы – выявить истоки отечественного экстремизма.

Экстремизм, как правило, связан с политическим насилием. Новый уровень анализа, применяемый авторами статьи, позволяет считать, что весной 2017 г. исполнилось 155 лет со дня публичного рождения идеи российского политического насилия.

В 1862 г. в Москве появилась первая радикальная прокламация. В мае этого года московский обер-полицеймейстер Крейц доложил генерал-губернатору, «что с 18 числа этого месяца неизвестные лица начали разбрасывать на бульварах и у подъездов домов возмутительного содержания воззвания под заглавием «Молодая Россия» [8, с. 449]. Прокламация была наполнена бурными угрозами в адрес правительства, кровавыми пророчествами по поводу судьбы дворянства и призывами к насилию против помещиков. Содержание воззвания неожиданно быстро получило известность в стране, и скромный по размеру текст положил начало открытому распространению радикально-политических идей в обществе. Для Российской империи XIX в. это было неслыханно: даже дворяне-декабристы не сделали ничего подобного, хотя и думали о насильственном захвате власти.

Кем были авторы этого документа? Впервые идея революционного насилия как метода борьбы против самодержавия встречается в кружке студентов Московского университета, организованного в 1861 г. П.Г.Заичневским и П.Э.Аргиропуло. Петру Заичневскому в сентябре 2017 г. исполняется 175 лет со дня рождения. Он являлся уроженцем Орловской губернии. Интересен тот факт, что Петр был сыном генерала [16, с. 20]. Заичневский закончил с серебряной медалью Орловскую гимназию, поступил на физико-математический факультет Московского университета. Его ближайший соратник – грек по национальности, Перикл Аргиропуло был родом из Харькова. Перикл окончил гимназию с золотой медалью и учился на юридическом факультете университета. Однако вскоре Аргиропуло тяжело заболел и рано ушел из жизни (в 1862 г.). Заичневский прожил 54 года (он умер в 1896 г. в Смоленске) и называл себя яacobинцем, а идеи революционеров Франции считал возможным с успехом применить в России [15, с. 113]. Летом 1861 г. Заичневский был

арестован за пропаганду среди крестьян в имени своего отца. Примечательно, что воззвание, по всей видимости, было написано им в тюрьме. Весной 1862 г., будучи под следствием в камере Тверской полицейской части Москвы, юный радикал подготовил гневную прокламацию «Молодая Россия» [3, с. 30].

Каковы предпосылки этого события? Важной вехой в становлении экстремистской идеологии в стране явилась эпоха «великих реформ». Основной из них, конечно же, была крестьянская реформа 1861 года. Помещики считали, что сам факт получения крепостными личной свободы и части надельной земли является уже таким «благоденствием», за которое бывшие холопы должны чуть ли не вечно благодарить господ дворян и, как высказался симбирский помещик П.М.Мачеварианов, «воздвигнуть монумент дворянству выше огромнейших пирамид египетских». (Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.257. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.)

Однако в начале 1860-х гг. происходит усиленная радикализация интеллигенции и российского студенчества, неудовлетворенных этой реформой. Вместе с обострением крестьянского вопроса началось студенческое и семинаристское движение.

Радикализация молодежи проходила очень быстро, благодаря, не в последнюю очередь, усилиям властей. Первый удар они нанесли по Харьковско-Киевскому тайному обществу, в которое входили студенты университетов этих двух городов. Общество возникло в 1856 г. на юге страны в Малороссии [15, с. 193]. В Харькове студенты издали памфлет с критикой манифеста об освобождении крестьянства. Власть устроила разгром общества. Студенты подверглись аресту, заточению в крепость, а затем ссылке в Сибирь. Однако и позже этих юношей не оставили в покое. В связи с петербургскими пожарами 1862 г., их «вытащили» из ссылки, снова привезли в столицу и опять поместили в Петропавловскую крепость.

Российская радикальная идея разрабатывалась на зарубежном опыте. В воззвании явно просматривалось влияние западноевропейской общественно-политической мысли, которое уловил А.И.Герцен. Он посчитал, что «Молодая Россия» «вовсе не русская, это одна из вариаций западного социализма, метафизика фран-

цузской революции...» [3, с. 32]. В общем-то, не отрицали этого и сами авторы. Заичневский знал историю французских революций. «Мы изучали историю Запада, – писал он, – и это изучение не прошло для нас даром; мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах» [3, с. 30].

В прокламации впервые в российской истории убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социально-политических целей. Автор призывал к «кровавой, неутолимой революции, которая должна изменить радикально всё, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Он писал: «Скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!» двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что все дело кончится истреблением императорской фамилии, т.е. какой-нибудь сотни, другой людей», указывалось в прокламации [3, с.30]. В другом месте, указывая на связь царя с «императорской партией», угнетающей народ, Заичневский заметил: «Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один – уничтожится и другая» [3, с.30].

Таким образом, определялся первоочередной объект революционного насилия – император и его семья, что тоже было впервые в революционной тактике. Ликвидацию царя автор уже тогда считал одной из основных задач, что во многом определило цель и характер террористической деятельности революционеров 1860-70-х гг. В то же время, террор для него – отнюдь не самодовлеющее средство борьбы, а скорее неизбежный фрагмент при захвате власти и, если потребуется, действенное средство для ее удержания [3, с. 31].

Были ли популярны эти идеи среди современников? В начале 1860-х гг. сторонники заговора среди оппозиционеров были в меньшинстве, но Заичневский и его друзья не были абсолютно одиноки в своих настроениях. Так, эмигрант В.И.Кельсиев свидетельствовал впо-

следствии в своей «Исповеди»: «Молодую Россию» никто не хвалил, но думавших одинаково с нею было множество; ей только в вину ставили, что она разболтала то, о чем молчать следовало» [3, с. 33].

Среди нетерпеливой радикальной молодежи был исключительно велик соблазн террористической идеи, которая по взглядам многих из них была одним из самых коротких путей для достижения поставленной цели – свержения монархии в России.

На это обратил взгляд Герцен, усмотревший в прокламации призывы к террору. В целом не приветствуя ее, он писал: «Террор революций со своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам, так, как террор сказок со своими чародеями и чудовищами нравится детям. Террор легок и быстр, гораздо легче труда, «гнет не парит, сломит – не тужит», освобождает деспотизмом, убеждает гильотиной. Террор дает волю страстям, очищая их общей пользой и отсутствием личных видов. Оттого-то он и нравится гораздо больше, чем самообуздание в пользу дела» [3, с. 32 – 33].

В деятельности кружка Заичневского дальше слов дело не пошло – за небольшой группой студентов не было никакой реальной силы. Однако Сенат признал Заичневского виновным в произнесении речей, направленных на ниспровержение существующего «вида правления» и против верховной власти. Его осудили на 2 года и 8 месяцев с последующей пожизненной ссылкой в Сибирь, которую он отбывал сначала в Иркутской губернии, а затем – в Пензенской. С 1872 г. по ходатайству отца ему было разрешено проживать в Орле. В дальнейшем Петр неоднократно высылался полицией в различные районы страны и снова был на каторге.

Содержание «Молодой России» активно распространялось по стране. Так, например, ее идеи проникли в Поволжье. Известный народник П.И.Войнаральский в мае 1874 г. читал крестьянам Ставропольского уезда Самарской губернии эту прокламацию, призывал мужиков «подписаться», то есть вступить в тайную организацию. Содержание беседы вызвало широкий резонанс среди крестьян и привело в испуг местные власти, которые развернули сеть тайной агентуры, произвели обыски и аресты народнических пропагандистов.

Ученики Заичневского до возникновения «Народной воли» ничем значительным себя не проявили. Затем ситуация изменилась и «заичневцы» нашли себе место в боевой работе. Так, М.Н.Ошанина стала одним из учредителей «Народной воли» и членом ее Исполнительного комитета [15, с. 114]. В «Народной воле» принимала участие Е.Д.Сергеева, супруга известного революционера Л.А.Тихомирова. Имя самого Заичневского было «тесно вплетено во всю историю освободительного движения страны... в течение 35 лет» [15, с. 112]. Его смело можно считать «дедушкой русской революции». Автор согласен с мнением Е.Л.Рудницкой о том, что русский бланкизм «стал идейно-теоретической первоосновой утверждения насилия и террора» [14, с. 19]. Р.Г.Эймонтова считает, что «Молодая Россия» отразила позиции «крайних радикалов» того периода [14, с. 50].

«Выстрел Каракозова» 4 апреля 1866 г. и разгром ишутинцев привели к периоду, который вошел в историю как эпоха «белого террора». В это время революционная борьба ослабевает, и усиливаются правительственные репрессии. Радикализм постепенно уступает место политическому экстремизму.

На общественной сцене появилась новая знаковая фигура революционного движения – Сергей Нечаев. Он родился в сентябре 1847 г. в Иваново. В 1869 г. организовал тайное общество «Народная расправа», для вербовки членов которой не останавливался ни перед чем, и применял обман [8, с. 272]. Не так ли порой добиваются своих целей современные радикалы? После организованного им в 1869 г. убийства члена общества студента Иванова, который высказал сомнение в честности методов руководителя, Нечаев бежал за границу [8, с. 487]. После этого созданная им организация подверглась жестокому разгрому властей [8, с. 272].

В 1872 г. Нечаев был выдан швейцарскими властями русскому правительству, осужден на 20 лет каторги, замененной пожизненным заключением в Петропавловскую крепость, где и умер в одиночной камере в 1882 г. [8, с. 487].

Революционер П.А.Кропоткин писал, что Нечаев был «опасным политическим преступником» [8, с. 300]

Что сделал С.Г.Нечаев? Во-первых, он собрал в Москве вместе остатки ишутинцев [16, с. 33].

Нечаев разбил их на «пятёрки» и построил в иерархическом порядке, как в тайных обществах Западной Европы.

Он первым сформулировал идею строгой конспирации. Так, нижестоящая «пятёрка» подчинялась вышестоящей, зная только одного её члена, который ею руководил. Нечаев требовал железной дисциплины, абсолютного подчинения рядовых членов «организатору» и крайней централизации кружков. Создаваемое им тайное общество, должно было представлять собой революционную сеть.

Тактика подразумевала, в том числе, и мистификацию. Так, Нечаев разработал все документы, находясь в Швейцарии, а в России заявил, что является агентом несуществующего женеvского Революционного Комитета. Нечаев считал, что Россия стоит на пороге революции (датой ее начала он видел весну 1870 г.), в которой его общество будет играть основную роль. Цель общества – разрушить самодержавный строй, – в том числе, и с помощью террора.

Нечаев является автором «Катехизиса революционера» – негласного устава общества, написанного им в апреле-июле 1869 г. под влиянием идей таких революционеров, как Бакунин и Ткачев [3, с. 38]. Нечаев тесно общался не только с жившим за границей Бакуниным, но и другим теоретиком революции Огаревым [13, с. 179]. На Нечаева также оказали влияние идеологи ишутинских «Организации» и группы «Ад».

Философ Н.А.Бердяев отмечал, что «Катехизис революции» есть «своеобразно-аскетическая книга, как бы наставление к духовной жизни революционера. И предъявляемые им требования суровее требований сирийской аскезы. Революционер не должен иметь ни интересов, ни дел, ни личных чувств и связей, ничего своего, даже имени. Все должно быть поглощено единственным, исключительным интересом, единственной мыслью, единственной страстью – революцией. Все, что служит революции, – морально, революция есть единственный критерии добра и зла. Нужно пожертвовать множественным во имя единого... При этом живая человеческая личность оказывается раздавленной, от нее отнимается все богатство жизни во имя божества – революции» [1, с. 138-139].

Цель революционера, считал Нечаев, разрушение «настоящего общественного строя»

(«этого поганого строя») [16, с. 34-35]. Бердяев назвал Нечаева «предшественником большевизма» [1, с. 139].

В 1-ом номере журнала «Народная расправа», изданного Нечаевым за границей, царевубийство не ставилось ближайшей задачей революционной организации. Автор писал: «Мы теперь, однако, подождем до поры до времени трогать Александра Николаевича». И далее: «Мы не будем трогать царя, если нас к тому не вызовет преждевременно какая-нибудь безумная мера или факт, в котором будет заметна его инициатива. Мы уберем его для казни торжественной и мучительной перед лицом всего освобожденного черного люда, на развалинах государства» [7, с. 150]. С другой стороны, «нечаевец» А.К.Кузнецов в автобиографии пишет, что Нечаев посвятил его в план царевубийства, который он обдумывал осенью 1869 г. Нечаев якобы рассказал ему о том, что царевубийство «не представляет больших трудностей и во-рвавшись... во дворец и обезоружив стражу, возможно было покончить с царем и его семьей» [7, с. 151-152].

Список конкретных «врагов», считал он, составляла сама организация. Прежде всего, должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

Кем были первые организованные радикалы? К следствию по делу были привлечены 152 человека, но 65 из них (в том числе М.А.Натансона, Н.Ф.Анненского и В.И.Засулич) властям пришлось освободить по недостатку улик. Суду были преданы 87 обвиняемых. Когда же процесс открылся, на скамье подсудимых оказалось 79 человек, поскольку один из обвиняемых (В.Н.Лихутин) умер, еще один (Н.Ф.Собещанский) сошел с ума, трое (В.Н.Смирнов, В.А.Гольдштейн, А.Л.фон-дер-Эльсниц) скрылись и еще трое (Р.А.Бирк, А.З. и В.З.Болотовы), уже включенные в обвинительный акт, незадолго до суда были освобождены ввиду бездоказательности обвинения. Большею частью (примерно 55 – 60 человек) это были именно «нечаевцы», т.е. участники «Народной расправы» и ее филиала – кружка А.П.Старицына.

Важной особенностью процесса был тот факт, что перед судом предстали 8 женщин. До тех пор в России на политических процессах никогда не судилась ни одна женщина. Впрочем, не только в России, но и в Европе после Великой французской буржуазной революции XVIII в. процесс «нечаевцев» был первым политическим делом с участием женщин. Что касается возраста, то, за малым исключением, судилась на процессе молодежь. Только И.Г.Прыжову было 43 года, В.В.Александровской и М.А.Попкову – по 37. Все остальные были моложе 30 лет, а большинство (47 человек из 79) не достигло и 25-летнего возраста (почти исключительно студенты). Социальный состав подсудимых не отличался такой разнородностью, как на последующих процессах. Здесь преобладали дворяне: 42 человека из 72 (о социальном положении семи подсудимых нет сведений). Крестьян и рабочих (по занятиям) вообще не было. По происхождению среди подсудимых был лишь один крестьянин – литератор и ученый (историк, этнограф) И.Г.Прыжов.

Другие наиболее известные экстремисты прошлого также были молоды. Так, на год совершения теракта Д.В.Каракозову было 25 лет, руководителю «Организации» Н.А.Ишутину – 26 лет. Нечаеву в год убийства Иванова исполнилось 22 года. Все они были грамотными и убежденными людьми. Их социальное происхождение говорит о разночинском характере движения. Каракозов был саратовским дворянином, Нечаев – внебрачным сыном помещика, по рождению – крепостным.

Нечаев подчеркивал связь своего движения с ишутинцами – участниками группы «Ад». Он говорил: «Начало нашего великого дела положено Дмитрием Владимировичем Каракозовым» [13, с. 234]. Нечаев полагал, что с убийства царской семьи начнется государственный переворот, и являлся «законченным экстремистом» и первым относительно последовательным российским террористом.

С другой стороны, позволим не согласиться с другим мнением Будницкого о первых террористах России. Организацию «Народная расправа» нельзя считать «первой последовательно террористической организацией» [3, с. 38]. Большинство членов общества не знали о планах Нечаева и не читали его «Катехизис». Он был

обнародован только в ходе судебного процесса. Убийство, совершенное Нечаевым и его «адептами», носило, на наш взгляд, некий «сакральный (жертвенный)» характер и не имело четких признаков терроризирования власти и общества. «Народная расправа» была только радикальным обществом, но еще не террористической структурой.

Нечаев мнил себя «революционным генералом», но исследователь должен разделять Нечаева и его организацию. Нечаев перенял девиз ишутинцев «Все средства хороши!» и возвел его в абсолют [13, с. 233]. В то же время, Нечаев стал экстремистом-одиночкой, так же, как Каракозов – террористом-одиночкой в обществе Ишутина. А.Ф.Керенский считал Нечаева «основателем аморальной тенденции к ненависти и разрушению... а прямым наследником его организации – Ленина». Нечаев и Ленин для него – величайшие реакционеры в революционном движении [2, с. 11].

Вопреки надеждам властей и давлению прессы, в обществе «дело нечаевцев» вызвало сочувствие к подсудимым. При «безусловно отрицательном» отношении к «нечаевщине», т.е. к тому началу макиавеллизма, что вносил в революционное движение Нечаев, молодежь извлекла для себя и практический урок: ни в каком случае не строить революционную организацию по типу нечаевской; а большая часть молодежи увлеклась смелостью «нечаевцев» и идеей революционного преобразования России, которую они мужественно отстаивали.

В 1870 – 1880-х гг. экстремизм получил свое развитие в практике организаций «Земля и воля» и «Народная воля». В начале XX в. продолжателем экстремистских традиций революционеров XIX в. стала партия социалистов-революционеров (эсеров), активно действовавшая в большинстве регионов России [12, с. 105].

Как уже отмечалось, «самодержавие само толкало социалистов-революционеров на крайний путь: отсутствие реальных политических свобод и полицейский произвол, нерешенность многих общественно значимых проблем и социальная глухота власти создавали почву для бурного развития политического радикализма» [12, с. 18].

Таким образом, экстремизм в России имеет давние исторические корни. Россия познакоми-

лась с ним во второй половине XIX в. и без какого-либо участия или влияния последователей ислама.

В 1860-х гг. среди российских оппозиционеров начали формироваться радикальные взгляды на перспективы общественного развития страны, тогда же были созданы первые печатные революционные воззвания. Изначально появились радикальные идеи, обосновывающие насильственные способы борьбы с самодержавием. Первые призывы к революционному насилию прозвучали в прокламации «Молодая Россия». «Пионером» российского радикализма надо считать ее автора «первого русского якобинца» Заичневского. Бланкист по убеждениям, Заичневский явился не только первым отечественным революционным радикалом, но и первым русским предшественником Ленина. Радикальные идеи были развиты в деятельности других организаций, в частности, ишутинцев. Они обрели практический опыт в неудачном «выстреле Каракозова», а потом сформулированы в «Народной расправе» Нечаева. Бланкист Нечаев стал первым последовательным идеологом экстремизма. Его «Катехизис революционера» – первый российский экстремистский и квази-террористический документ. В истории России 1860-е гг. – время появления истоков политического экстремизма, период «предреволюционного терроризма».

В настоящем одним из основных проявлений экстремизма в России является терроризм [16, с. 410-411]. Главный упор идеологи современного политического радикализма делают на учащуюся и студенческую молодежь. Любое организованное насилие невозможно без идеологии или каких-то идейно-организационных основ. Терроризм также становится социальным явлением, когда появляется, в частности, идеология терроризма. Она, на наш взгляд, занимает центральное место в структуре этого феномена. Нет идеологии – нет терроризма!

Идеологию терроризма принято в широком смысле называть экстремистской. Сегодня экстремизм – это технология запугивания. Обман, зависимость и страх стали неотъемлемой частью этой технологии.

Терроризм, как правило, выступает как «универсальный способ» решать социально-политические проблемы.

Почти вся многовековая история России знала как антигосударственный терроризм: народнический, народовольческий, эсеровский, так и государственный террор – опричнина, царский террор в годы Первой русской революции 1905 – 1907 гг., «белый» и «красный» террор в Гражданскую войну, террор НКВД в 1937 г.

При анализе экстремизма и его «питомца» терроризма, как любых сложных и очень противоречивых явлений, существуют двойные стандарты. Так, в настоящем, очевидно, что со страниц зарубежных изданий в отечественные средства массовой информации перекочевал тезис об «исламской террористической угрозе». Однако представление о мусульманском мире как рассаднике терроризма и экстремизма верно лишь частично.

Сегодня терроризм представляется нам, в первую очередь, симптомом нездоровья и болезни общества в достаточно тяжелой и запущенной форме без воздействия извне. Террорист абсолютизирует роль насилия, которое он считает инструментом социальной хирургии, направленным на лечение этого социума.

Для террориста насилие – это и способ влиять на власть и общество в необходимом направлении, и форма демонстрации несогласия с устоявшимися нормами и стереотипами поведения.

В завершение отметим, что процесс воспитания молодого человека неразрывно связан с процессом его обучения. Формирование российского гражданина, высоко нравственной и духовно богатой личности во все времена было невозможно без знания отечественной истории, сложного и противоречивого пути пройденного нашим государством. Все это касается, в том числе, и истории борьбы российского государства с политическим экстремизмом и терроризмом. Для реализации задачи противодействия экстремизму в нынешних условиях необходимо эффективнее использовать имеющиеся возможности учебно-воспитательного процесса в высших учебных заведениях.

По нашему мнению, настало время для определенной корректировки учебных программ по ряду гуманитарных дисциплин, в первую очередь, отечественной истории, политологии и философии в указанном нами контексте. В системе воспитательной работы необходимо ак-

тивно проводить мероприятия, направленные на изучение экстремизма и терроризма, знакомства с их содержанием и особенностями. В связи с этим, мы считаем, что было бы полезным организация информирований, бесед, исторических лекториев, и других форм работы с учащейся молодежью.

Порой трудно бороться с идеями, а тем более целой идеологией: однако российская история дает нам интересные уроки, о которых мы порой часто забываем. Одна из основных задач нашего государства в настоящем и будущем – не допустить кровавого насилия революций 1905 – 1907 гг. и 1917 г., а также Гражданской войны в современной истории российского общества.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1.

2. Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. М., ЗАО Центрополиграф, 2006. 336 с.

3. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М., Российская политическая энциклопедия, М. 2000. 399 с.

4. Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // Вестник академии военных наук. 2011. № 2 (35). С. 187 – 196.

5. Витюк В.В., Эфиоров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., Наука, 1987. 322 с.

6. Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 42 – 50.

7. Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929.

8. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., Мысль. 1966. 504 с.

9. Маньков А.В., Минеева Е.К. Российский революционный терроризм // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 67–76.

10. Маньков А.В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 93–98.

11. Маньков А.В. Региональный революционный терроризм: боевые структуры и объекты терроризирования эсеров Поволжья в 1905 г. // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 99–107.

12. Маньков А.В., Волков А.П., Шайпак Л.А. Революционный терроризм и государственный террор: опыт и уроки первой российской революции (к 110-ти летию революции 1905–1907 гг.) // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 1 (37). С. 15 – 19.

13. Пирумова Н.М. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., Ленанд, 2017. 336 с.

14. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. // Под ред. Е.Л. Рудницкой. М., Археографический центр, 1997. 576 с.

15. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М. Мысль, 1966. 364 с.

16. Щербаков А.Ю. Терроризм. Война без правил. М., ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2013. 464 с.